

УДК 316.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-9

Исследовательская статья

Зинченко Е. В.
Филоненко В. И.
Деточенко Л. С.
Вороная В. Д.

Социальная тревога российского студенчества:
территориальный аспект

Южный федеральный университет,
улица Большая Садовая, дом 105/42, Ростов-на-Дону, 344006 Россия
evzinchenko@sfedu.ru
vfilonenko@sfedu.ru
detochenko@sfedu.ru
voronaya@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной тревоги и социофобии современного российского студенчества шести регионов Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции и санкционного давления коллективного Запада на наше государство и его граждан. Цель исследования – изучение проявлений социальной тревоги и социофобии, обусловленных военными действиями, у российской студенческой молодежи как особой социально-демографической группы – молодого поколения, подверженного социальным рискам. В статье анализируются результаты опроса студентов (N=991, выборка стихийная), проведенного в высших учебных заведениях ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях; в Ростовской и Белгородской областях в 2024 году. В основе методики исследования был применен опросник социальной тревоги и социофобии. Исследование – часть крупномасштабного межрегионального социально-психологического исследования «Российское студенчество: оценки и образы настоящего и будущего как основа формирования гражданственных и ценностных установок». На основе результатов исследования было выявлено, что доминирующим видом социальной тревоги студенчества приграничных территорий являются постситуативные руминации. Самый высокий уровень выраженности социальной тревоги зафиксирован у молодых людей, проживающих на новых российских территориях. У девушек социальная тревога выражена гораздо сильнее, чем у юношей. Психологическая коррекция повышенной социальной тревоги и социофобии у современной молодежи – важная задача в реализации молодежной политики университетов. Ее решение – прерогатива специализированных подразделений университетских психологических служб.
Ключевые слова: социальная тревога; военные действия; социофобия; студенчество; молодежь; дезадаптация

Информация для цитирования: Зинченко Е. В., Филоненко В. И., Деточенко Л. С., Вороная В. Д. Социальная тревога российского студенчества: территориальный аспект // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 133-149. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-9.

Elena V. Zinchenko
Viktor I. Filonenko
Lyudmila S. Detochenko
Victoria D. Voronaya

Social anxiety of Russian students: a territorial aspect

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia
evzinchenko@sfedu.ru
vfilonenko@sfedu.ru
detochenko@sfedu.ru
voronaya@sfedu.ru

Abstract. *Relevance.* The article is focused on the analysis of social anxiety and social phobia of modern Russian students of six regions of the Russian Federation in the context of a Special Military Operation and the sanctions pressure of the collective West on our state and its citizens. *Research problem.* The purpose of our research is to study the manifestations of social anxiety and sociophobia caused by military actions among Russian students as a special socio-demographic group of people of the younger generation exposed to social risks. *Methods.* The total number of respondents was 991 people. All respondents are students of higher educational institutions. The research methodology is the Questionnaire of social anxiety and sociobia (OSTiSF). The article analyzes the data of psychological testing (face-to-face and online) of the large-scale interregional socio-psychological study “Russian students: assessments and patterns of the present and future as a basis for the formation of civic and value attitudes”. *Research results.* It was determined that the dominant type of social anxiety is post-situational rumination. The highest level of social anxiety was observed among young people living in the new Russian territories. Respondents from the newly annexed territories of the Russian Federation have a statistically higher level of social anxiety and sociophobia than respondents from Belgorod and the Rostov region. Also, social anxiety is higher in women than in men. *Conclusions.* Psychological correction of social anxiety and sociophobia among modern youth is an important sphere of implementation of university youth policy. Its solution is the prerogative of specialised units of university psychological services.

Keywords: social anxiety; military actions; sociophobia; students; youth; maladaptation

Information for citation: Zinchenko E. V., Filonenko V. I., Detochenko L. S., Voronaya V. D. (2024), “Social anxiety of Russian students: a territorial aspect”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 133-149, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-9.

Введение (Introduction).

Нестабильность экономического и социального развития современного мира, нарастающая геополитическая напряженность, возникающие повсеместно затяжные военные конфликты формируют «кризисный контекст» современного

общества (Riad et al., 2022), провоцируя риск развития тревожно-депрессивных расстройств и дисфункций (Barkowski et al., 2016) у молодежи, в особенности у молодых людей в возрасте 18-24 лет (Нестик, 2023; Фролова, Рогач, 2023). Студенты, разделяющие в качестве

ориентиров развития общества сильную государственную власть, чувствуют себя в большей безопасности, чем студенты, ориентированные на соблюдение прав человека, толерантность и высокий уровень жизни (Дидковская и др., 2022).

Снижение социальной и эмоциональной адаптации студентов связано с ростом популярности интернет-коммуникаций, интернет-обучения и взаимодействия, сокращением объема «живого» межличностного общения в жизни молодежи, рискогенным воздействием визуального контента (Шмарион, Землянская, 2022). Студенчество в силу возраста и условий подвержено стрессам и негативному влиянию социальной неопределенности. Особенно часто у молодежи проявляются страхи за свою жизнь, за жизнь близких и социальное будущее (Певная и др., 2022; Филоненко, 2024; Сушко, 2023). В дополнение у молодых людей часто возникает страх негативной оценки и социальных неудач (Ральникова, 2020), субъективное ощущение нехватки социальных навыков (Ениколопов, Григорьева, 2016). Подобные страхи приводят к существенным ограничениям в самореализации молодых людей во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в учёбе и работе.

Социальная тревога – состояние эмоционального дискомфорта, страха и беспокойства по поводу социальных ситуаций и взаимодействий с другими людьми (Краснова-Гольева, Холмогорова, 2011). Социальная тревога сопровождается выраженными физическими проявлениями, в числе которых могут возникать тошнота, дрожь, головокружение, повышенное потоотделение, диарея, ощущение нехватки кислорода и т.п. Пусковым механизмом социальной тревоги становятся ситуации социального взаимодействия, при которых человек находится в центре повышенного внимания или его могут негативно оценить, либо же отвергнуть окружающие. При выраженной

социальной тревоге социальные ситуации и контакты с другими людьми избегаются, что может привести к апатии и депрессивным симптомам, дефициту социальных навыков (Сагалакова, Труевцев, 2012; Сагалакова, Стоянова, Труевцев, 2014), что в итоге вызовет социальную и эмоциональную дезадаптацию (Краснова-Гольева, Холмогорова, 2011), снизит качество жизни. В свою очередь, повышенная социальная тревожность – это «трудное испытание в юности» (Ральникова, Шамардина, 2020), которое может привести к формированию бесперспективного образа психологического будущего и социальной изоляции (Мареева, 2022). В кризисных условиях развития общества позитивный образ будущего и социальная сплоченность – значимые факторы повышения жизнестойкости личности.

Студенты, проживающие на территориях вооруженных конфликтов и приграничных территориях, психологически вовлечены в экстремальные, угрожающие жизни ситуации (Абакумова, Рядинская, 2017). Тревожно-депрессивные реакции, психосоматические расстройства, нарушения социальной адаптации возникают как последствия переживания военных конфликтов и могут носить долгосрочный характер (Лопатина, 2023). Военная обстановка влечёт за собой высокую неопределенность, провоцирующую стресс-фактор, под воздействием которого возрастает общая тревога (Захарова, 2020) и социальная тревога, в частности. Изучение социальной тревоги у студентов, проживающих в кризисных условиях развития общества – это еще и изучение социального самочувствия значимой части общества, студентов (Барейша, 2014). Повышенная социальная тревожность – фактор развития социальной дезадаптации, и для предотвращения явления массовой

дезадаптации необходим мониторинг социальных настроений студенчества.

Методология и методы (Methodology and Methods). Методологической основой нашего исследования выступает теория поколений, разработанная В. В. Радаевым, Т. Шаниным, Д. Твенге и др. В ней исследователи предлагают отойти от классического временного периода формирования поколения в 20-25 лет и перейти к периоду в 10-14 лет, возможности обоснования неравномерных поколенческих шагов. Всё это связано с уменьшением продолжительности исторических процессов, резким, а порою и скачкообразным увеличением интенсивности технологических и социальных пертурбаций современной действительности и человеческой жизнедеятельности (Радаев, 2019; Шанин, 2005; Твенге, 2019). Следовательно, необходимость обращения к контексту жизненного мира современного российского студенчества и его социального самочувствия существенно возрастает из-за быстрой смены поколений. Следует отметить некоторые работы психологов и социологов (Авксентьев и др., 2008; Вишневский, Нархова, 2016; Филоненко, 2024), в которых категория «социальное самочувствие» трактуется как консолидированная характеристика индивида или группы, обусловленная социальными обстоятельствами и явлениями.

Изучение социального самочувствия особо важно в условиях геополитической напряженности, военных конфликтов, нарастающих угроз глобального терроризма и применения ядерного оружия (Барейша, 2014; Фролова, Рогач, 2023; Сушко, 2023). Последствия пандемии в виде повсеместной цифровизации высшего образования (Буланова, Великая, 2021), которая актуальна по сей день, рост интернет-коммуникаций, уменьшение живого общения, появление и расширение виртуального общения с искусственным

интеллектом – факторы, способствующие снижению социальных навыков молодежи; данные факторы также могут усиливать социальную тревожность и эмоциональную дезадаптацию молодежи, ухудшать ее социальное самочувствие (Riad et al., 2022). В кризисных условиях, когда сплоченность общества выступает повышающим психологическую устойчивость фактором (Лопатина, 2023), изучение социальной тревоги, социальной дезадаптации и социофобии может выявить векторы повышения социального и психологического благополучия молодежи.

Наше исследование выполнено на пересечении двух актуальных областей науки: психологии и социологии. Цель исследования – изучение проявлений социальной тревоги и социофобии, которые обусловлены военными действиями, у российской студенческой молодежи.

Общее количество респондентов – 991 человек. Из них 382 (39%) – юноши, 607 (61%) – девушки. Средний возраст респондентов – 20,5 лет (минимальный возраст – 18 лет, максимальный – 35 лет). Выборка случайная бесповторная. Все респонденты являются обучающимися высших учебных заведений, находящихся на приграничных территориях:

- 654 респондента проживают на присоединенных территориях и обучаются в 14 вузах ДНР, ЛНР и новых областей России;
- 70 респондентов представляют НИУ «БелГУ» (г. Белгород);
- 267 респондентов являются студентами 8 университетов и институтов Ростовской области.

В качестве методики исследования мы использовали Опросник социальной тревоги и социофобии (ОСТиСФ) (Сагалакова, Труевцев, 2012). Данная методика нацелена на диагностику у молодых людей в возрасте 16–35 лет общего и преобладающего среди остальных типов социальной тревоги с помощью ряда субшкал:

- социальная тревога, нарастающая в ситуации нахождения в центре внимания – тип 1 (шкала 1);
- постситуативные руминации как рефлексия, оценка человеком своих действий в социальной ситуации с целью последующего совладания с тревогой – тип 2 (шкала 2);
- сдержанность в выражении эмоций, возникающая из-за страха отвержения – тип 3 (шкала 3);
- тревога при проявлении инициативы в ситуациях, связанных с критикой в свой адрес и потерей субъективного контроля – тип 4 (шкала 4);
- избегание непосредственных взаимодействий с окружающими людьми в субъективно экспертных ситуациях – тип 5 (шкала 5).

Для математической обработки результатов были использованы описательная статистика, непараметрический U-критерий Манна-Уитни, непараметрический критерий Краскела-Уоллиса. Обработка данных была проведена в программе SPSS. Описательная статистика проводилась в программе Excel. Описательная статистика

использовалась для анализа процентного распределения респондентов в выборке в зависимости от полученных значений по опроснику. U-критерий Манна-Уитни был применен для сравнения показателей социальной тревоги и социофобии в группах юношей и девушек. Критерий Краскела-Уоллиса использовался для сравнения показателей респондентов из трех различных территорий Российской Федерации.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Гипотеза исследования: уровень выраженности социальной тревоги и социофобии девушек и юношей, обучающихся в вузах, находящихся в разных российских регионах, в различной степени включенных в военные действия в ходе специальной военной операции, может различаться.

Средние результаты по шкалам опросника социальной тревоги и социофобии, доля респондентов с высокими значениями, представлены в Таблице 1. При анализе результатов мы опирались на нормативы, приведенные авторами методики (Сагалакова, Труевцев, 2012).

Таблица 1

Средние значения шкал опросника и распределение респондентов по шкалам
(N – количество респондентов)

Table 1

Mean scores of the questionnaire scales and distribution of respondents by scales
(N – number of participants)

Шкала типа социальной тревоги / Social Anxiety Type Scale	Норма по методике / Normal value	Среднее значение (N = 991) / Mean (N = 991)	Диапазон значений по шкале / Scale value range	Доля респондентов с высокими значениями, % / Proportion of respondents with high scores, %
Общий показатель / Total	0–30	31	0–87	16,2
Шкала 1 / Scale 1	0–5	7,15	0–21	25
Шкала 2 / Scale 2	0–5	7,3	0–15	29
Шкала 3 / Scale 3	0–6	6,2	0–15	17,4
Шкала 4 / Scale 4	0–5	5,6	0–18	12
Шкала 5 / Scale 5	0–5	6	0–18	13

Средние значения по выборке характеризуются в целом нормальными, чуть увеличенными значениями, что говорит о немного повышенной по сравнению с нормативными значениями социальной тревоге студентов, проживающих на приграничных и присоединённых территориях, в отдельных ситуациях (например, при публичных выступлениях, на экзамене, при общении с «важными» людьми и т.п.). При диагностике общей выраженности социальной тревоги и социофобии 29–30 баллов считается средним, нормативным значением по выборке. Респонденты, набравшие от 30 до 50 баллов, характеризуются высоким уровнем социальной тревоги; еще более высокие значения характерны для респондентов с выраженной социофобией.

Оценка выраженности социальной тревоги по шкалам показывает следующие результаты (поскольку значения могут пересекаться, процентное соотношение указывает только на процентное распределение совокупной выборки):

- высокие значения по общему показателю социальной тревоги и социофобии (50-87 баллов) набрали 16,2% респондентов;

- высокие значения по шкале 1 «Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением» (11-21 балл) характерны для 25% респондентов;

- высокие значения по шкале 2 «Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях» (10-15 баллов) диагностированы у 29% респондентов;

- высокие значения по шкале 3 «Сдержанность в выражении эмоций, вследствие страха отвержения, блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях» (10-15 баллов) присущи 17,4% респондентов;

- высокие значения по шкале 4 «Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях как результат критики в свой адрес и потери

субъективного контроля» (11-18 баллов) показали 12% респондентов;

- высокие значения по шкале 5 «Избегание непосредственных взаимодействий с окружающими людьми в субъективно экспертных ситуациях» (11-18 баллов) отметили 13% респондентов.

Проведенный анализ данных показал, что в нашей выборке доминирующим видом социальной тревоги выступают постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях, что полностью согласуется с данными других российских исследований (Цветкова, 2024; Лунева, Абабков, 2023). Такое проявление социальной тревоги, тесно связанное со страхом оценивания, вполне поддается психологической коррекции, что повышает актуальность обеспечения психологической поддержки студенческой молодежи силами психологических служб вузов. Четверть респондентов отметили повышенные страх и тревогу при нахождении в центре внимания. Наш преподавательский опыт показывает, что часть студентов испытывают выраженные тревожные состояния при выходе к доске, выступлении на конференциях, публичных защитах своих научных работ. В данном случае эффективными являются тренинги самопрезентации.

В Таблице 2 представлена более подробная информация о количестве респондентов с различными значениями по общему показателю социальной тревоги и социофобии. Интервалы значений основаны на данных авторов методики. Согласно полученным данным, для 209 человек, то есть для 21% всех опрошенных респондентов, характерен низкий уровень проявления социальной тревоги. Для респондентов из Ростовской области низкие значения характерны для 33%, из Белгорода – для 17% и из вновь присоединённых территорий – для 16% респондентов. Следовательно, существующая длительное время угроза террористических актов и реальная

ракетная опасность на определенных территориях существенно снижают процент молодежи с низкой социальной

тревожностью и повышают численность молодежи с высокой социальной тревожностью.

Таблица 2

Количество респондентов с повышенными значениями социальной тревоги по общей шкале с учетом территориального признака (N (количество респондентов) = 991)

Table 2

Number of respondents with higher values of social anxiety on the general scale considering the territorial characteristic (N (number of respondents) = 991)

Уровни проявления социальной тревоги / Levels of expression of social anxiety	Интервалы значений (в баллах) / Value intervals (in scores)	Общее число респондентов / Total number of respondents		Респонденты из ЛНР и ДНР (N = 654) / Respondents from LPR and DPR (N = 654)		Респонденты из Белгорода (N = 70) / Respondents from Belgorod, (N = 70)		Респонденты из Ростовской области (N = 267) / Respondents from Rostov region (N = 267)	
		чел. / people	%	чел. / people	%	чел. / people	%	чел. / people	%
Очень высокий / Very high	60-87	59	5,9	41	6,3	4	6	14	5,2
Высокий / High	50-59	102	10,3	80	12,2	3	4	19	7
Повышенный / Elevated	40-49	151	15,2	101	15,4	14	20	36	13,5
Умеренно повышенный / Moderately elevated	31-39	195	19,7	120	18,3	14	20	41	15,3
Эпизодические проявления / Episodic expressions	16-30	294	29,6	202	31,6	23	33	69	26
Низкий / Low	0-15	209	21	106	16,2	12	17	88	33

В нашей выборке 195 респондентов (19,7%) продемонстрировали значения в диапазоне 31-39 баллов: для них характерна умеренно повышенная социальная тревога, которая усугубляется в стрессовых ситуациях, но не ведет к значительной дезадаптации. У трети всех опрошенных (31,4%) диагностированы умеренные, повышенные, высокие и очень высокие

значения по шкале социальной тревоги и социофобии:

- у 151 респондента (15,2%), набравших 40-49 баллов, могут отмечаться проблемы в социальной адаптации, выраженные страхи отвержения при общении; хотя они не избегают полностью социальных ситуаций, взаимодействие может вызывать у них стресс и опасения;

- 102 респондента (10,3%) набрали 50–59 баллов, что отражает высокий уровень социальной тревоги с наличием избегания социальных ситуаций из-за постоянного напряжения, страхов критики и оценки; при этом может быть желание самопредъявления и общения, но оно блокируется субъективным ощущением своей некомпетентности, препятствующим вступлению в контакт с другими людьми;

- очень высокий уровень проявления социальной тревоги и социофобии характерен для 5,9% опрошенных;

- 36 человек из выборки (3,6%) набрали 60–69 баллов, что связывается с формирующейся социофобией. У респондентов может быть выраженное напряжение, ситуации взаимодействия обладают для субъекта опасностью и носят «угрожающий» характер; характерен страх проявления инициативы, множественные страхи оценивания, в отдельных случаях – самоизоляция.

- 23 респондента (2,3%) имеют крайне высокие значения по шкале (70–86 баллов), что может указывать на социофобию, вызывающую дезадаптацию. Возможны потеря самообладания, переживание беспомощности, наличие множественных когнитивных искажений, препятствующих самостоятельному выходу из дезадаптации.

Таким образом, треть опрошенных респондентов, проживающих и обучающихся в приграничных регионах, переживают выраженные проявления социальной тревоги, которые тем или иным образом влияют на их жизнедеятельность в стрессовых или повседневных ситуациях. Высокие и очень высокие значения по шкале социальной тревоги и социофобии у 16% характеризуют сформированные установки в том, что окружающие настроены «против них», а также острое субъективное переживание нехватки социальных навыков. Данной группе респондентов необходима психологическая поддержка.

Анализ данных по шкале с применением критерия Колмогорова-

Смирнова показал значение асимптотической значимости $p < 0,05$, следовательно, распределение данных отличное от нормального (асимпт. знач. $p < 0,001$ для всех шкал). Для дальнейшего сравнения групп используются непараметрические критерии.

Сравнение групп по территориальному фактору было произведено с применением непараметрического критерия Краскала–Уоллиса (Таблицы 3, 4). Как видно из Таблицы 4, между группами найдены значимые различия (асимпт. знач. $p < 0,001$ по всем шкалам). Следовательно, установлено, что выраженность социальной тревоги и социофобии статистически различается у респондентов из различных российских регионов. Так, существуют различия как в общем уровне тревоги и социофобии у разных групп ($\chi^2 = 22,937$, $p = ,000$), так и в частных ее проявлениях. У респондентов из вновь присоединенных территорий РФ социальная тревога и социофобия выражены сильнее, чем у респондентов из Белгорода и Ростовской области. Различия по частным шкалам опросника распределены аналогичным образом. Социальная тревога в ситуации «под наблюдением» (шкала 1) ($\chi^2 = 18,987$, $p = ,000$); постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях (шкала 2) ($\chi^2 = 19,503$, $p = ,000$), сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях (шкала 3) ($\chi^2 = 13,887$, $p = ,000$), тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля (шкала 4) ($\chi^2 = 13,629$, $p = ,000$), избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях (шкала 5) ($\chi^2 = 28,790$, $p = ,000$) также сильнее выражены у респондентов из вновь присоединенных территорий, чуть меньше – у респондентов из Белгорода, и наименее всего выражены у респондентов

из Ростовской области. Следовательно, более длительное проживание в зоне, связанной с опасностью боевых

соприкосновений, ведет к повышению социальной тревоги у студенчества.

Таблица 3

Сравнение групп респондентов по территориальному признаку (Ранги)
(Comparison of respondent groups by region (Ranks))

Table 3

Scales	Территориальное расположение ВУЗа / Territorial location of the university	Количество респондентов / Number of respondents	Средний ранг / Average rank
Общий показатель Total	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	524,64
	Белгород / Belgorod	70	498,79
	Ростовская область / Rostov region	267	425,12
Шкала 1 / Scale 1	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	521,01
	Белгород / Belgorod	70	509,98
	Ростовская область / Rostov region	267	431,07
Шкала 2 / Scale 2	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	523,09
	Белгород / Belgorod	70	488,14
	Ростовская область / Rostov region	267	431,71
Шкала 3 / Scale 3	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	519,11
	Белгород / Belgorod	70	485,09
	Ростовская область / Rostov region	267	442,25
Шкала 4 / Scale 4	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	516,65
	Белгород / Belgorod	70	513,17
	Ростовская область / Rostov region	267	440,93
Шкала 5 / Scale 5	Вновь присоединенные территории РФ / Newly annexed territories of the Russian Federation	654	528,69
	Белгород / Belgorod	70	489,62
	Ростовская область / Rostov region	267	417,60

Таблица 4
Сравнение групп респондентов по территориальному признаку (Статистические критерии)
Table 4
Comparison of respondent groups by region (Statistical criteria)

	Общий показатель / Total	Шкала 1 / Scale 1	Шкала 2 / Scale 2	Шкала 3 / Scale 3	Шкала 4 / Scale 4	Шкала 5 / Scale 5
H Крускала-Уоллеса (χ^2) / Kruskal-Wallis H (χ^2)	22,937	18,987	19,503	13,887	13,629	28,790
ст.св. / st. sv.	2	2	2	2	2	2
Асимп. знач. / Asymp. value.	,000	,000	,000	,001	,001	,000

Респонденты из вновь присоединенных территорий Российской Федерации в социальных ситуациях чаще, чем респонденты из приграничных территорий, переживают состояния тревоги. Для них характерно сформированное или формирующееся стремление избегать ситуаций, в которых их оценивают или критикуют, стремление сдерживать эмоциональные проявления, особенно негативные. Респонденты с трудом проявляют инициативу, поскольку высокая тревожность «не позволяет» предъявлять себя и раскрываться в общении. Избегание непосредственного контакта при взаимодействии с другими людьми в итоге может привести к социальной дезадаптации, которая особенно разрушительна в кризисные периоды развития общества.

Исследовательские результаты согласуются с результатами научных изысканий других авторов: социальная дезадаптация, вызванная переживанием напряженности от общения, беспомощности, когнитивными искажениями и страхами оценки, критики и

отвержения, усиливается в кризисных ситуациях развития общества (Захарова, 2020; Лопатина, 2023). Военная обстановка и проживание на приграничных территориях сами по себе являются стрессогенными факторами, с которыми легче справиться при наличии социальной поддержки. Если же социальная поддержка становится невозможной из-за личностных переживаний индивида, то изоляция молодого человека только углубляет дезадаптацию и формирует пролонгированные деструктивные явления.

Для выявления различий в проявлении социальной тревоги и социофобии у девушек и юношей, проживающих на приграничных территориях, был применен U-критерий Манна–Уитни (Таблицы 5 и 6). Аналогично с Таблицами 3 и 4, в таблице 5 представлены ранги, на основе которых мы делаем вывод, в какой из групп значения достоверно выше или ниже, а в таблице 6 – статистические критерии, на основе которых мы анализируем значимость различий.

Таблица 5

Сравнение групп респондентов по полу (ранги)

Table 5

Comparison of respondent groups by gender (ranks)

Scales	Пол / Gender	Количество респондентов / Number of respondents	Средний ранг / Average rank	Сумма рангов / Rank sum
Общий показатель / Total	Юноши / Men	382	458,61	175187,50
	Девушки / Women	608	518,68	315357,50
Шкала 1 / Scale 1	Юноши / Men	382	459,59	175564,00
	Девушки / Women	608	518,06	314981,00
Шкала 2 / Scale 2	Юноши / Men	382	434,94	166145,50
	Девушки / Women	608	533,55	324399,50
Шкала 3 / Scale 3	Юноши / Men	382	443,46	169403,00
	Девушки / Women	608	528,19	321142,00
Шкала 4 / Scale 4	Юноши / Men	382	475,83	181766,00
	Девушки / Women	608	507,86	308779,00
Шкала 5 / Scale 5	Юноши / Men	382	460,89	176059,50
	Девушки / Women	608	517,25	314485,50

Таблица 6

Сравнение групп респондентов по полу (статистические критерии)

Table 6

Comparison of respondent groups by gender (statistical criteria)

	Общий показатель / Total	Шкала 1 / Scale 1	Шкала 2 / Scale 2	Шкала 3 / Scale 3	Шкала 4 / Scale 4	Шкала 5 / Scale 5
U Манна-Уитни / U Mann-Whitney	102034,500	102411,000	92992,500	96250,000	108613,000	102906,500
Z	-3,219	-3,139	-5,299	-4,556	-1,722	-3,029
Асимпт. знач. (двухсторонняя) / Asympt. value (bilateral)	,001	,002	,000	,000	,085	,002

Выборки юношей и девушек достоверно различаются по общему показателю социальной тревоги и

социофобии (U Манна-Уитни = 102034,500, асимпт. знач. $p < ,001$), шкале 1 (U Манна-Уитни = 102411,000, асимпт. знач. $p < ,002$),

шкале 2 (U Манна-Уитни = 92992,500, асимпт. знач. $p = ,000$), шкале 3 (U Манна-Уитни = 96250,000, асимпт. знач. $p = ,000$) и шкале 5 (U Манна-Уитни = 102906,500, асимпт. знач. $p = ,002$). По шкале 4 различия между группами статистически недостоверны. Девушки в большей мере, чем юноши, склонны испытывать напряженность в ситуациях социального взаимодействия, особенно при нахождении в центре повышенного внимания. В экспертных ситуациях девушки чаще юношей уходят от непосредственного взаимодействия, пытаются скрывать свои эмоции из-за опасений быть отвергнутыми социальным окружением, предпринимают усилия совладать со своими тревожными переживаниями.

Военные действия являются одними из самых мощных стрессоров, способных вызывать тревожно-депрессивные расстройства, а также когнитивные, поведенческие и эмоциональные дисфункции (Barkowski et al., 2016). В нашем исследовании мы установили, что у респондентов, проживающих на территории активных военных действий, социальная тревога и социофобия выражены гораздо сильнее, чем у респондентов из приграничных территорий.

Активное использование социальных сетей может опосредовать социальную тревожность, поскольку приводит к избеганию непосредственного контакта (Твенге, 2019). Частый просмотр новостей и активное использование социальных сетей связываются с повышенным уровнем тревожности (Riad et al., 2022; Певная и др., 2022). Непосредственный контакт людей друг с другом в том числе важен и для переживания кризисных периодов развития общества.

Для коррекции и профилактики социальной тревоги эффективны методы психотерапии и психологического консультирования, особенно когнитивно-поведенческие методы (ElBarazi, Meshreky, 2024), групповая терапия и тренинги

(Barkowski et al., 2016). Студентам, проживающим на вновь присоединенных территориях России, необходимо психологическое сопровождение. Психологическую поддержку обучающихся возможно организовать с помощью ресурса Психологических служб университетов, сеть которых стремительно формируется в Российской Федерации и присоединенных территориях.

Заключение (Conclusions). В нашем исследовании с выборкой 991 человек более чем для половины (51%) респондентов характерны умеренно повышенные и повышенные показатели социальной тревоги и социофобии, а у 15% из них установлены очень высокие значения диагностируемых показателей, что соответствует формирующейся социофобии.

Характеристики социальной тревоги у обучающихся вузов могут различаться в зависимости от территориального фактора. У обучающихся, проживающих на вновь присоединенных территориях Российской Федерации, все характеристики социальной тревоги выражены сильнее, чем у обучающихся, проживающих в Белгороде. Самые низкие показатели социальной тревоги и социофобии диагностированы у студентов вузов Ростовской области.

Характеристики социальной тревоги и социофобии также различаются у юношей и девушек. Высокий уровень напряженности в межличностных отношениях, избегание контактов, страхи отвержения и критики – факторы, нуждающиеся в психологической коррекции. Социальная тревога отражает один из факторов социального самочувствия значимой части общества – студенчества. Полученные в нашем исследовании результаты, свидетельствующие о повышенных значениях социальной тревоги и социофобии у респондентов, могут указывать на необходимость социальной и психологической поддержки студенчества,

проживающего на приграничных и присоединённых территориях. В связи с этим очень важен ресурс расширяющейся в Российской Федерации сети Психологических служб университетов, которые позволяют обучающимся обращаться за необходимой помощью и поддержкой как в индивидуальном, так и в групповом форматах.

Как показывает опыт ведущих вузов Ростовской области (Южный федеральный и Донской государственный технический университеты), следует на постоянной основе проводить офлайн или онлайн-тестирование студентов первого курса с целью изучения их индивидуально-типологических особенностей и эмоциональных состояний (диагностику суицидальных рисков, рисков развития жизненных кризисов, проявления девиантных и асоциальных форм поведения и пр.). Результаты исследований, осуществляемых психологическими службами вузов, эффективно используются в работе структурных подразделений, направленной на социально-психологическую адаптацию первокурсников. Педагоги-психологи, работающие в системе высшего образования, оказывают поддержку студентам и преподавателям, находящимся в состоянии стресса, сильного эмоционального напряжения. Особого внимания заслуживает психопрофилактическая и просветительская работа психологических служб с обучающимися, в рамках которой проводятся интерактивные лекции, практические занятия психологической направленности с применением методов арт-терапии, танцевальной психотерапии, психодрамы, нейролингвистического программирования, символдрамы, игротерапии и др. Экстренная психологическая помощь оказывается обучающимся вуза, оказавшимся в кризисной ситуации (Шкурко и др., 2009).

Своевременная психодиагностика и коррекция социальной тревоги могут

помочь предотвратить возникновение ее негативных последствий у обучающихся вузов, находящихся на приграничных и присоединённых территориях. В свою очередь, анализ и изучение социального благополучия, жизненного мира студенчества – важный шаг для реализации целенаправленной и необходимой в современных условиях молодежной политики, направленной на снижение рисков социализации.

Список литературы

- Абакумова И. В., Рядинская Е. Н. Специфика индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. Т. 7, № 256. С. 177–181.
- Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 91-96.
- Барейша А. Г. Социальные страхи в структуре социального самочувствия // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1-4 (20). С. 83-85.
- Буланова М. Б., Великая Н. М. Цифровизация высшего образования в период пандемии: преимущества и риски // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 4. С. 25-36. DOI: 10.15826/umpra.2021.04.034.
- Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 57-70. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6.
- Ениколопов С. Н., Григорьева И. В. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» // Национальный психологический журнал. 2016. № 1. С. 31-44.
- Захарова Н. М. Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 185-197.

Краснова-Гольева В. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. Т. 3, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39944 (дата обращения: 26.06.2024).

Левада Ю. А., Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. Т. 3. С. 17-38.

Лопатина О. Влияние русско-украинских военных (боевых) действий на психологическое состояние граждан // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2023. Т. 1. № 29. С. 122-131.

Лунева П. Д., Абабков В. А. Копинг-поведение при социальных фобиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 2. С. 147-163.

Мареева С. В. Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 158-183.

Нестик Т. А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 4. С. 5-22.

Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Т. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 296 с.

Ральникова И. А., Шамардина М. В. Социальная тревога как фактор становления субъективной картины жизненного пути в период нормативного кризиса юности // Психолог. 2020. № 2. С. 15-31.

Сагалакова О. А., Стоянова И. Я., Труевцев Д. В. Социальная тревога – маркер антивиталяного поведения в подростковом и юношеском возрасте // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электронный научный журнал. 2014. Т. 4, № 6. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_4_6/article01.php (дата обращения: 26.06.2024).

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2012. Т. 4, № 15. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php (дата обращения: 26.06.2024).

Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине: монография / под общ. ред. В. И. Филоненко. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. 2024. 335 с.

Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.

Сушко П. Е. Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003-2023) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 59-71. DOI: 10.31857/S013216250029337-3.

Твенге Д. Поколение I. Почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик», 2019. 406 с.

Фролова Е. В., Рогач О. В. Социальное самочувствие россиян весной 2022 г. // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 160-166. DOI: 10.31857/S013216250024327-2.

Цветкова Н. А. Особенности социально-психологического статуса студентов с социальной тревогой в родительской семье // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 105-120.

Шкурко Т. А., Зинченко Е. В., Сериков Г. В. Актуальные вопросы теории и практики психологической помощи личности в трудной жизненной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 4. С. 25-28.

Шмарион Ю. В., Землянская А. В. Рискогенное воздействие визуального контента на социализацию молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8,

№ 4. С. 22-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-3.

Efficacy of group psychotherapy for social anxiety disorder: A meta-analysis of randomized-controlled trials / Barkowski S., Schwartze D., Strauss B., Burlingame G. M., Barth J., Rosendahl J. // *Journal of anxiety disorders*. 2016. Vol. 39. Pp. 44-64.

ElBarazi A., Meshreky P. The Management of Social Anxiety: More Than 25 Years Later, Where are we? // *Illness, Crisis & Loss*. 2024. Vol. 32, №. 1. Pp. 131-141.

Mental Health Burden of the Russian–Ukrainian War 2022 (RUW-22): Anxiety and Depression Levels among Young Adults in Central Europe. / Riad A., Drobov A., Krobot M., Antalová N., Alkasaby M.A., Peřina A., Kořčík M. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. Pp. 1-14.

References

Abakumova, I. V. and Ryadinskaya, E. N. (2017), “Specificity of individual-psychological reactions of the personality living in the armed conflict area”, *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznavaniya*, (7), 177-181. (In Russian)

Avksentiev, V. A., Gritsenko, G. D. and Maslova, T. F. (2008), “Social well-being of the youth of the North Caucasus”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 91-96. (In Russian)

Bareisha, A. G. (2014), “Social fears in the structure of social well-being”, *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (1-4), 83-85. (In Russian)

Bulanova, M. B. and Velikaya, N. M. (2021), “Digitalization of higher education during the pandemic: advantages and risks”, *University management: practice and analysis*, 25 (4), 25-36, DOI: 10.15826/umpa.2021.04.034. (In Russian)

Didkovskaya, Ya. V., Vishnevsky, Yu. R. and Zyryanova, O. B. (2022), “Social security of student youth as a subjective perception of risks”, *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 57-70, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6. (In Russian)

Enikolopov, S. N. and Grigorieva, I. V. (2016), “Testing of the questionnaires “Liebowitz Social Anxiety Scale” and “Fear of Negative Evaluation Scale (short version)”, *Nacional'ny psikhologicheskiy zhurnal*, (1), 31-44. (In Russian)

Zakharova, N. M. (2020), “Mental and behavioral disorders in the civilian population of

the region subjected to local military operations”, *Psychology and Law*, 10 (4), 185-197. (In Russian)

Krasnova-Golieva, V. V. and Kholmogorova, A. B. (2011), “Social anxiety and student maladaptation”, *Psychological science and education psyedu.ru [Electronic]*, 3 (1), available at:

https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39944 (Accessed 26 June 2024). (In Russian)

Levada, Y. A. and Shanin, T. (2005), “History of Generations and Generational History”, *Human. Community. Management*, 3, 17-38. (In Russian)

Lopatina, O. (2023), “Influence of Russian–Ukrainian military (combat) actions on the psychological state of citizens”, *Zdorovie cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kultury i sporta*, 1 (29), 122-131. (In Russian)

Luneva, P. D. and Ababkov, V. A. (2023), “Coping behavior in social phobias”, *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 13 (2), 147-163. (In Russian)

Mareeva S. V. (2022), “The social status of Russian youth: ideas and reality”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(2), 158-183. (In Russian)

Nestik, T. A. (2023), “The impact of military conflicts on the psychological state of society: promising directions of research”, *Sotsialnaya Psikhologiya i obshchestvo*, 14 (4), 5-22. (In Russian)

Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., Kienko, T. S., Tarasova, A. N., Andrianova, T. V., Khudyakova, M. V. and Shapovalova, I. S. (2022), “Fears of Russian students in the situation of social uncertainty (spring 2022)”, *Nauchny rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 8 (3), 116-136, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9. (In Russian)

Ralnikova, I. A. and Shamardina, M. V. (2020), “Social anxiety as a factor in the formation of subjective picture of life path during the normative crisis of adolescence”, *Psychologist*, (2), 15-31. (In Russian)

Radaev, V. V. (2019), *Millenialy: kak menyaetsya rossyskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing], Izd. h. HSE, Moscow, Russia. (In Russian)

Sagalakova, O. A., Stoyanova, I. Y. and Truevtsev, D. V. (2014), “Social anxiety – a marker of antivital behavior in adolescence”, *Clinical and medical psychology: research, training, practice*, 4(6), [Online], available at: http://medpsy.ru/climp/2014_4_6/article01.php (Accessed 26 June 2024). (In Russian)

Sagalakova, O. A. and Truevtsev, D. V. (2012), "Questionnaire of social anxiety and sociophobia", *Medical Psychology in Russia*, 4 (15), [Online], available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php (Accessed 26 June 2024). (In Russian)

Sotsialnoe samochuvstvie i otnoshenie studencheskoy molodezhi k spetsialnoy voennoy operatsii Rossyskoy Federatsii v Ukraine: monografiya [Social well-being and attitude of student youth to the Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine: a monograph] (2024), in Filonenko, V. I. (ed.), Publishing House of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. (In Russian)

Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoy oblasti v 2015 godu: itogi sotsiologicheskogo issledovaniya: kollektivnaya monografiya [Social well-being of youth in the Sverdlovsk region in 2015: the results of sociological research: a collective monograph] (2016), in Vishnevsky, Yu. R. and Narkhov, D. Yu. (ed.). Izd. h. UMC UPI, Yekaterinburg, Russia. (In Russian)

Sushko, P. E. (2023), "Dynamics of indicators of subjective social well-being of Russians (2003–2023)", *Bulletin of the Institute of Sociology*, 12, 59-71. (In Russian)

Twenge, D. (2019), *Pochemu pokolenie interneta utratilo buntarsky duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolutno ne gotovym ko vzrosloy zhizni* [Generation I. Why the Internet Generation has lost its rebellious spirit, has become more tolerant, less happy and absolutely unprepared for adult life]. RIPOL Classic Campaign Group, Moscow, Russia. (In Russian)

Frolova, E. V. and Rogach, O. V. (2023), "Social well-being of Russians in the spring of 2022", *Sociological Research*, (5), 160-166. (In Russian)

Tsvetkova, N. A. (2024), "Features of socio-psychological status of students with social anxiety in the parental family", *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshheniya. Serya: Psikhologicheskie nauki*, (1), 105-120. (In Russian)

Shkurko, T. A., Zinchenko, E. V. and Serikov, G. V. (2009), "Current issues of theory and practice of psychological help to the individual in a difficult life situation", *Russian Psychological Journal*, 6 (4), 25-28. (In Russian)

Shmarion, Yu. V. and Zemlyanskaya, A. V. (2022), "Riskogenic impact of visual content on the

socialization of young people", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 22-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-3 (In Russian)

ElBarazi, A. and Meshreky, P. (2024), "The Management of Social Anxiety: More Than 25 Years Later, Where are we?", *Illness, Crisis & Loss*, 32 (1), 131-141.

Barkowski, S., Schwartz, D., Strauss, B., Burlingame, G. M., Barth, J. and Rosendahl, J. (2016), "Efficacy of group psychotherapy for social anxiety disorder: A meta-analysis of randomized-controlled trials", *Journal of Anxiety Disorders*, 39, 44-64.

Riad, A., Drobot, A., Krobot, M., Antalová, N., Alkasaby, M. A., Peřina, A. and Kořčík, M. (2022), "Mental Health Burden of the Russian–Ukrainian War 2022 (RUW-22): Anxiety and Depression Levels among Young Adults in Central Europe", *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19, 1-14, DOI: 10.3390/ijerph19148418.

Статья поступила в редакцию 05 августа 2024 г. Поступила после доработки 05 сентября 2024 г. Принята к печати 10 сентября 2024 г. Received 05 August 2024. Revised 05 September 2024. Accepted 10 September 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зинченко Елена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», руководитель Психологической службы ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Elena V. Zinchenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Academy of Psychology and Education Sciences, Head of the Psychological Service, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Филоненко Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор Института философии и социально-политических наук, директор Центра социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО

«Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Viktor I. Filonenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Socio-Political Research, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Деточенко Людмила Станиславовна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Lyudmila S. Detochenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Technologies, Institute of Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Вороная Виктория Дмитриевна, студентка Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Victoria D. Voronaya, Student, Academy of Psychology and Education Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.